

**ПРОЕКТ «ВЫЗОВЫ  
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА  
В СИРИИ»**

Документ, представленный на  
обсуждение (33)

---

# **Иран после выборов и Сирия: преемственность или перемены?**

---

**Хамидреза Азизи**

Немецкий институт по международным отношениям  
и безопасности (SWP)

## **Женевский центр политики безопасности (GCSP)**

Женевский центр политики безопасности (GCSP) – международный фонд, основанный в 1995 году и включающий 53 страны-участницы. Основной целью фонда является поддержание мира, безопасности и международного сотрудничества путем подготовки руководящих кадров, проведения прикладных политических исследований и диалога. Женевский центр политики безопасности обучает государственных должностных лиц, дипломатов, офицеров вооруженных сил, сотрудников международных организаций и НПО, а также представителей частного сектора, работающих в соответствующих сферах поддержания международного мира и безопасности.

## **Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»**

Данный проект предполагает многосторонний диалог и научные исследования, направленные на создание точек соприкосновения между ЕС, Россией, Турцией и США по трем вопросам: реформы,

возвращение беженцев и восстановление. Проект реализуется Женевским центром политики безопасности совместно с Европейским университетским институтом (EUI), Сирийским центром политических исследований (SCPR) и Швейцарским фондом мира (Swisspeace).

## **Редактор**

Абдулла Ибрагим, ведущий исследователь проекта

## **Автор**

### **Хамидреза Азизи**

Хамидреза Азизи – обладатель ученой докторской степени (PhD), член фонда имени Александра фон Гумбольдта Немецкого института по международным отношениям и безопасности (SWP) в Берлине. Преподавал регионоведение в Университете имени Шахида Бехешти (2016–2020 гг.), а также работал приглашенным лектором на кафедре региональных исследований Университета Тегерана (2016–2018 гг.).

---

Все содержащиеся в настоящем документе идеи являются исключительно соображениями автора и ни в коей мере не являются мнением издателя или организации автора.

Опубликовано в июле 2021 г.

Все права принадлежат Женевскому центру политики безопасности

## Введение

18 июня победу на президентских выборах в Иране одержал религиозный деятель консервативного толка Ибрахим Раиси, пришедший на смену Хасану Рухани, стороннику более умеренных взглядов. Его победа разворачивалась на фоне народного недовольства тяжелой политико-экономической ситуацией, а также масштабного отсеивания кандидатов-реформистов и умеренных политиков, что сильно снизило явку избирателей. Низкая явка в ходе выборов в Иране по традиции сопряжена с победой консерваторов или сторонников жесткого курса, и ситуация с Раиси во многих отношениях не стала исключением. Однако, даже несмотря на то, что сами выборы и их результаты указывают на значительный сдвиг в сторону более авторитарного подхода к вопросам внутренней политики, они не окажут столь ощутимого влияния на внешнюю политику, в том числе и на стратегическую позицию страны по Сирии. За последние несколько лет управление региональной политикой Ирана практически полностью сосредоточилось в руках Корпуса стражей исламской революции (КСИР). При этом Высший руководитель Ирана великий аятолла Сейед Али Хаменеи открыто стремится ограничить роль президента во внешней политике. Следовательно, политика Тегерана по отношению к Сирии после президентских выборов будет развиваться в русле преемственности, а не перемен.

## Роль Сирии во внешней политике Ирана

В начале сирийского кризиса, когда Иран сделал выбор в пользу прямого вмешательства в дела арабской республики, его основными целями было предотвратить падение режима его союзника – президента Башара Асада, – а также воспрепятствовать потенциальной смене расстановки сил в регионе, которая шла бы вразрез с интересами оси «Иран – Сирия – Хезболла». Иными словами, в те времена Иран придерживался принципиально реактивной стратегии. Спустя десять лет Иран достиг обеих первоначальных целей, и при помощи поддержки союзников в лице Тегерана и Москвы режиму Башара Асада удалось избежать краха. В результате Иран со временем выработал более активную стратегию. На данный момент его план определяется тремя основными аспектами: геополитическим, экономическим и политическим. С точки зрения геополитики Иран пытается установить постоянную зону влияния на юге и юго-востоке Сирии, параллельно добиваясь от США вывода сил из страны. Иран не только активизировал набор новобранцев из племен Дейр-эз-Зора, но и периодически использует их в противовес интересам США. Подобная зона влияния также позволяет Ирану реализовать свои амбиции и создать потенциально новый фронт в борьбе с Израилем. По сути, основная геополитическая цель Тегерана в Сирии – завершить процесс наращивания «сил сопротивления» вокруг Израиля. С экономической точки зрения Иран стремится сделать Сирию ключевым элементом своих экономических планов в регионе, заключающихся в прокладке сухопутных и морских транзитных путей к Средиземноморью. Кроме того, Тегеран видит экономические выгоды от участия в послевоенном экономическом восстановлении Сирии – особенно в случае возобновления ядерной сделки 2015 г. (Совместного всеобъемлющего плана действий, СВПД), и снятия американских санкций. Наконец, на политическом поприще Иран намерен продолжить сотрудничество с Россией и Турцией в рамках астанинского формата, при этом принимая участие в различных инициативах под эгидой ООН,

направленных на решение сирийского кризиса. Его главная цель – проявить себя как эффективного и незаменимого участника, вносящего существенный вклад в разрешение региональных конфликтов.

### **Новый иранский президент: преемственность или смена сирийской политики?**

В теории иранский президент играет две основные роли во внешнеполитическом процессе страны. С одной стороны, он назначает министра иностранных дел. Таким образом, Министерство иностранных дел (МИД) по сути подчиняется общим подходам и ориентирам правящей администрации. Кроме того, президент является председателем Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) – верховного органа, принимающего решения в области внешней политики, обороны и безопасности. Однако полномочия президента и МИД в части определения политического курса в целом и региональной политики в частности в последние годы сокращались. Считается, что до выхода США из СВПД в мае 2018 г. иранская администрация, в основном, играла решающую роль в ядерной политике страны и ее отношениях с Западом, тогда как региональная политика преимущественно определялась КСИР или конгломератом военных ведомств и спецслужб. Тем не менее провал СВПД значительно укрепил позиции сторонников жесткого курса на иранской политической арене. В результате роль Министерства иностранных дел, очевидно, ослабла даже относительно ядерной повестки, в то время как политические вопросы координируются ВСНБ под прямым управлением Высшего руководителя страны. На практике администрация и сам президент уступили контроль над внешней политикой не выборным органам настолько, что Хаменеи открыто призывал кандидатов в президенты не уделять внимание этой теме в ходе предвыборной кампании.

По сирийскому вопросу роль иранской администрации в выработке и реализации политических решений практически сводится к нулю. Об этом недвусмысленно заявлял в январском интервью министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф. В ходе другого интервью, которое просочилось в прессу против его воли, Зариф утверждал, что КСИР руководит сирийской политикой Ирана без согласования с МИД. Таким образом, ни для кого не было неожиданностью, что вопросы внешней политики подробно не освещались в ходе предвыборных дебатов: обсуждения сводились преимущественно к судьбе Совместного всеобъемлющего плана действий и отношений с Западом. В ходе дебатов и избирательных кампаний ни один из кандидатов не упомянул ни Сирию, ни иранскую политику по сирийскому конфликту. В связи с этим можно предположить, что стратегия Ирана по данному вопросу не поменяется, несмотря на то, что на смену умеренному политическому деятелю на посту президента пришел сторонник жесткого курса. При этом роль МИД, как и прежде, будет ограничиваться претворением в жизнь решений, принятых высшими эшелонами иранской власти в рамках дипломатических форматов – таких, как астанинский. Иными словами, МИД Ирана будет играть лишь незначительную (если вообще какую-либо) роль в формировании сирийской стратегии страны.

## **Восстановление Совместного всеобъемлющего плана действий и политика Ирана по Сирии**

В ходе предвыборных дебатов кандидаты на пост президента вкратце обозначили свои взгляды на ядерную программу Ирана и восстановление СВПД. Примечательно, что даже сторонники жесткого курса, включая избранного президента Ибрахима Раиси и бывшего секретаря ВСНБ Саида Джалили, известных своей яркой критикой СВПД, признавали, что восстановление данного соглашения необходимо для снятия санкций. Как уже было отмечено ранее, это связано с тем, что вопросы ядерной политики на данный момент не регулируются ни президентом, ни МИД. Таким образом, кандидаты всего лишь выражали желание иранского правительства, на данном этапе, попытаться добиться снятия санкций путем переговоров. Вместе с тем также очевидно, что различные политические фракции, приверженные как духу реформизма, так и жесткому политическому курсу, смирились с текущими реалиями и тем фактом, что ухудшающуюся экономическую ситуацию в Иране невозможно исправить в условиях санкций. Однако относительно возможности последующих переговоров с Вашингтоном по другим вопросам подобного консенсуса среди этих политических сил не наблюдается. В то время как два кандидата реформистских и умеренных взглядов, Мохсен Мехрализаде и Абдольнасер Хеммати, отмечали необходимость продолжения дипломатической линии и нормализации отношений с Западом, другие кандидаты настаивали на том, что мир не сводится исключительно к Соединенным Штатам Америки, и Иран может реализовывать собственные интересы путем расширения связей с соседями и незападными игроками. Такой подход, в свою очередь, отражает бескомпромиссную позицию Хаменеи, согласно которой переговоры с США неприемлемы ни сейчас, ни в будущем – исключением остается лишь ядерный вопрос. Именно из-за этой позиции Рухани не удалось достичь более комплексного соглашения с Вашингтоном на основе ядерной сделки 2015 г. Таким образом, даже если бы на выборах одержал победу один из сторонников менее жесткого курса, Исламская Республика не перестала бы уклоняться от переговоров с США по своей ракетной программе и региональным вопросам.

Это, однако, не означает, что возможности региональных дипломатических отношений с Ираном совершенно закрыты, поскольку Тегеран все же придает большое значение международным связям. Лагерь сторонников жесткого курса, равно как и сам Высший руководитель подчеркивали необходимость выстраивания дружеских отношений с соседними странами. Следует отметить, что недавние переговоры между Ираном и Саудовской Аравией при посредничестве Ирака проводились ВСНБ, а не МИД, что свидетельствует о том, что высшие круги иранского правительства демонстрируют серьезное намерение нормализовать отношения с Эр-Риядом. Если переговоры дадут плоды, Тегеран и Эр-Рияд могут закрепить комплексную рамочную основу для обсуждения различных вопросов, в том числе по Йемену, Ираку, Сирии и Ливану. Подобная основа стала бы комплексным временным соглашением, в рамках которого Иран, с одной стороны, и Саудовская Аравия и ее союзники, с другой, могли бы признавать и уважать интересы и сферы влияния друг друга в четырех вышеназванных странах. В таком случае Иран мог бы сократить свое непосредственное военное присутствие в Сирии в обмен на обещание других сторон не препятствовать реализации его экономических планов в республике. Однако по вопросу присутствия иранских

посредников в Сирии достичь согласия было бы труднее, поскольку Тегеран вряд ли легко согласится распустить или вывести данные группировки. В свете текущей тенденции Иран, скорее всего, будет стремиться к такой интеграции своих посредников в ряды сирийских вооруженных сил, при которой их автономность и верность Тегерану не пошатнется.

### **Сценарии развития иранской политики по Сирии**

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что новый иранский президент не сможет преломить общие внешнеполитические подходы и стратегии Ирана. По сути, это не означает, что МИД вовсе не будет участвовать в определении наиболее оптимальных способов реализации данных стратегий. На текущий момент ясно, что Исламская Республика в целом стремится к тому, чтобы восстановить СВПД, ограничить дипломатические связи с Западом ядерным вопросом и вместе с тем поддерживать прямые дипломатические отношения с соседними арабскими государствами. Таким образом, существуют два потенциальных сценария развития иранской внешней политики в будущем, каждый из которых имеет различные последствия с точки зрения сирийской стратегии. Реализация данных сценариев зависит от того, насколько успешным окажется текущий переговорный процесс по восстановлению СВПД.

Если, согласно ожиданиям, Ирану и мировым державам удастся добиться успехов в ходе венских переговоров, это может задать роли Ирана в сирийских делах два направления. С одной стороны, Иран, скорее всего, частично воспользуется экономическими преимуществами от снятия санкций ради укрепления своего влияния в Сирии, что отразится в продолжении финансовой поддержки посреднических группировок и инвестициях в сирийскую экономику и инфраструктуру. С другой же стороны, Тегеран будет, вероятно, избегать роста напряжения в отношениях с США в регионе в целом, в том числе в Сирии, чтобы не допустить повторного провала СВПД. Кроме того, восстановление СВПД также придаст бы уверенности Ирану в плане поддержания дипломатических связей с арабскими государствами, поскольку позиции Тегерана на международной арене более не считались бы слабыми.

Однако в случае провала переговоров по СВПД во внешней политике Ирана будет превалировать подход, определяемый военными интересами и соображениями безопасности, что может привести к новой волне агрессии в регионе. В таком случае Тегеран может, в частности, попытаться распространить зону опосредованной конфронтации с США с территории Ирака на Сирию, что, в свою очередь, пошатнет перспективы стабильности в Сирии. Тем временем, несмотря на то что при сохранении санкций потенциально доступные Ирану финансовые ресурсы сократятся, при осуществлении основанного на соображениях безопасности подхода Исламская Республика не будет сворачивать поддержку посреднических группировок, как во времена политики «максимального давления» Дональда Трампа. Если Тегерану придется выбирать между экономикой и безопасностью, он вероятнее предпочтет отсрочку своего участия в экономическом восстановлении Сирии сокращению военных расходов в стране. В таком случае политическая роль Ирана в сирийских делах вновь во многом подчинится его военным интересам.